

Бабушка моя, Акулина Ивановна, обязательно накрывала праздничный стол в День Победы 9 Мая с одним и тем же комментарием: "Я самая счастливая мать на свете! Все мои сыновья ушли на фронт, и все вернулись живыми и невредимыми. Это ли не Чудо Божие!.. Слава Богу за всё!"
Вернулись-то они вернулись, но и война отмерила им на четверых все по-полной, говоря современным слэнгом, программе.
На старшего пришла похоронка в первые же месяцы, но не поверила она ей, а только еще усерднее стала молиться Богу, памятуя, что материнская молитва может творить и невозможное.
Закончилась война, прошел еще год, и вот, однажды, подошел к ее дому попрошайка - седой длиннобородый старец, постучал клюкой в калитку. Она вышла навстречу с четвертушкой хлеба в руках, замечая странное поведение дворового пса. Обыкновенно злющий, на сей раз тот радостно скулил, вилял хвостом и все ластился, ластился к ногам нищего. Вдруг старец схватил ее за руку: "Мама, я сын твой, Иван!.."
Были ранение, плен, концентрационный лагерь, изнурительная работа на хозяев в Норвегии.
Пас Иван свиней. Его не кормили совсем, питался с подопечными из одного корыта. Так и говорил: "Рожками, вместе со свиньями…", - чуть ли не прямыми строчками из Евангелия от Луки: "… и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему".
Но нет, не были сыновья, в отличие от матери, глубоко верующими людьми. Не воздали должного благодарения за чудесное свое спасение, может быть, еще и поэтому – ох!- как трудно сложились их послевоенные судьбы.
Как-то я спросил отца: "Как же так, мать такая верующая, а ты, крещеный сын, так ни разу и не побывал в церкви?" "Тогда не принято было…", - сухо уклонился он от разговора. Коммунистом был.
И о войне не любил распространяться.
Но однажды все-таки рассказал такую историю.

"Надоела война, устал от нее: от крови, грязи, голода, холода…. Выпил изрядно, вылез из окопа - и давай гулять по брустверу в полный рост. Вокруг пули свистят, снаряды рядом рвутся, зарево, светло как днем, а мне хоть бы что. Часа два ждал того, чтоб убили. Не дождался.… Свалился в окоп, заснул. А утром только высунулся, чтобы,

значит, оценить обстановку, как тут меня и шарахнуло прямо в легкое, огромным осколком…. Отлежался в госпитале, и снова на передовую, и сразу - под прямое попадание снарядом в блиндаж. Всех командиров поубивало, один я в живых остался. Очнулся, телефонная трубка верещит, заливается. Снял, а там… мат - перемат, вперед - орут! Куда – вперед?.. Вынул я наган, вылез из окопа. "За мной!" – кричу. Бежим – бежим, упадем, поднимемся и снова - вперед! Ворвались в немецкие окопы, связи нет, что дальше?..

И тут начало развидняться. Гляжу, немцы - впереди, идут с белой тряпкой, руки вверх тянут. Вылез я из окопа, показал, куда оружие бросать, и еще махнул им, чтоб они к нам в тыл направлялись. А сам-то толком не знаю: где тыл, где передовая?.. А немцы смеются: "Рус, - говорят, - для нас война уже закончилась. А тебе еще топать и топать до Берлина". И дотопали, и на Рейхстаге расписались!

А за ту операцию я и получил Александра Невского; оказалось, что мы тогда выполнили очень важную боевую задачу…"

Отпевали отца в нашем храме Рождества Пресвятой Богородицы; священник кадил, читал молитвы; вокруг гроба стояли родные и близкие с зажженными свечами. Сверху, со стены храма, смотрел на него сам Александр Невский, держащий в руке боевой меч. К сожалению, не знал я тогда, что в схиму святой был пострижен с именем Алексий. Отца моего тоже звали Алексеем.

Но и на этом история с орденом еще не закончилась.

Растаял снег. Я приводил в порядок могилки своих родителей; неспешно текла наша беседа.

Зашел разговор об отцовских наградах и, неожиданно для себя, предложил я вручить его орден Александра Невского игумену, настоятелю небольшого прихода, расположенного в двадцати верстах от кладбища. Он – прозорливый; его любят прихожане, едут из других городов; и всех он привечает, оказывает посильную помощь. Я не настаивал: я делился с отцом своим мнением, и… почувствовал в себе его согласие. Смастерив небольшой киот и уложив в него орден, я направился в храм, к батюшке. Только в дороге по-настоящему ощутил всю дерзновенность своей затеи.

А что если батюшка не оценит моей искренности, а что если намерение мое противоречит церковным канонам?.. Ох, и какие только сомнения меня не одолевали, но и отступать уже было нельзя: чем бы я мог оправдаться перед своим отцом?

А было это на Пасху.

Перед службой я подошел к батюшке с нелепым вопросом: "А правда, что у Бога нет мертвых, все – живые?" Он задержал на мне свои проницательные глаза: "А сам-то как думаешь?" Я неуклюже заторопился: "В Великую Отечественную отец был награжден орденом Александра Невского. Его давно уж нет в живых, но мы вот посоветовались с ним и решили вручить Вам его орден. Простите…"

Батюшка бережно принял орден в свои руки, осенил себя крестным знамением, поклонился и… поцеловал его. Лицо его просияло. "Ты думаешь, - он обратился ко мне проникновенным голосом, - я заслуживаю?" "Мой отец так считает!" - ответил я. "Знаешь,- продолжил батюшка, - это мой любимый святой. При крещении меня назвали его именем…".

Я был на седьмом небе от радости.

Вот такое продолжение имела эта история с орденом.

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ!